

Глава 1

Некая важная персона прибыла в Ленинград 6 октября 43-го года. Кортёж из трех машин пронёсся по дороге, соединяющей секретный аэродром с городом, и растворился в лабиринтах разрушенных улиц.

Город наводнили советские войска. На всем протяжении трассы стояли зенитные батареи. Переулки и развилки контролировали усиленные посты. Кортёж пропускали без проверки — поступил соответствующий приказ. Прибытие в город на Неве важного лица обставили со всей секретностью. Гость рисковал.

Не сказать, что небо над областью полностью контролировала вражеская авиация, но вероятность нарваться на немецкие штурмовики сохранялась. Блокаду частично сняли еще в январе. 67-я и 2-я Ударные армии одновременно перешли в наступление, освободили Шлиссельбург и очистили от захватчиков все южное побережье Ладожского озера. Вдоль берега образовался коридор шириной в десять километров — восстановилась сухопутная связь с городом. За семнадцать суток под огнем проложили

автомобильную и железную дороги, и они немедленно заработали. Все попытки противника вернуть контроль над ситуацией оканчивались неудачами. Наконец подошли резервы, коридор в ходе боев расширился, и осажденный город вздохнул свободно. Ленинград переходил к мирной жизни, всех желающих отправили в тыл. Противник ослабел, но пока еще не выдохся. Немцы укрепляли рубежи на южных подступах к городу, отражали атаки советских войск. Ленинград подвергался артиллерийским ударам, но их интенсивность слабела. И все же до полного снятия блокады оставались еще четыре долгих месяца...

Квартал, примыкающий к каналу Грибоедова, оцепили полностью — мышь не проскочит. В городе действовал комендантский час. Редких прохожих разворачивали, транспорт пускали объездными дорогами. Гости разместились в здании, где до войны работал райком комсомола. Квартал охраняла рота НКВД. Неизвестно, были ли в курсе происходящего военные и гражданские власти (скорее всего, были), но встречи с ними сократили до минимума. Это была рабочая поездка, преследовавшая сугубо деловые цели. С южных окраин города доносилась канонада, но здесь было тихо. В район канала давно не залетали мины и снаряды. Лунный свет озарял пробоины в зданиях и силуэты часовых.

Крытый брезентом грузовичок «ГАЗ-4» съехал с дороги и встал у бокового крыльца. Охраны было много, в лунном свете поблескивали автоматы «ППШ» с секторными магазинами. Водитель в третий раз предъявил документы. Лейтенант в фуражке с красным околышем заглянул в кузов — там сидели четверо. Он осветил их лица, задержался на бледном, резко очерченном женском лице. Барышня поморщилась, отвернулась от яркого света. Пассажиры носили офицерские шинели. Один был в звании майора, другой — капитаном, остальные же, включая женщину, являлись старшими лейтенантами.

— Ваши документы, товарищи, — сухо распорядился начальник охраны.

Он осмотрел предъявленные бумаги, сверил фото с лицами, снова задержался на женщине. Она была привлекательна, но лицо ее осунулось, а глаза поблекли от хронического недосыпания.

— Товарищ майор, пройдите в здание. Остальные остаются в машине. Соловьев, пропусти машину во двор, пусть там стоит.

Спорить было бесполезно. Лейтенанты, отягощенные инструкциями, — выше любого майора. Павел стал выбираться из машины.

— Бог в помощь, товарищ майор, — еле слышно прошептала Нина.

— Командир, все будет нормально, — выдохнул капитан Молчанов. — Хотя черт его разберет, что тут происходит...

— Прорвемся, товарищ майор, — вторил ему старший лейтенант Гриша Заречный. — Вы уж не посрамите там честь нашего ведомства!

Происходило нечто необычное. В вызове посреди ночи не было ничего странного, но чтобы развести такой туман секретности...

Майор спрыгнул на землю, одернул шинель. Рослый, русоволосый, плечистый, еще не успешный обрасти щетиной. Коллеги шутили: внешность представительная, полковничьи погоны на плечах смотрелись бы органично.

— Оружие сдайте, товарищ майор, — бросил начальник охраны. — И просим прощения — вас обыщут. Стандартная процедура. Шинель можете сдать дневальному в вестибюле.

Складывалось ощущение, что в Ленинград инкогнито прибыл сам Верховный главнокомандующий. Павел двинулся к крыльцу, часовой раскрыл перед ним дверь.

В холле было тихо. Здание райкома несколько лет не использовалось по назначению. Секретари, инструкторы и прочие сотрудники ушли защищать родной город. Выжили единицы. Райкомы партии и ВЛКСМ укрупняли, бюрократию сводили к минимуму. Здание фактически пустовало. Но в подвале работал дизельный генератор — урчал, словно спящий зверь. Глухо отдавались чьи-то шаги. Тени скользили в сумрачном пространстве.

Павел расстался с табельным «ГТ» и с верхней одеждой — в здании было на удивление тепло.

— Поднимитесь на второй этаж, товарищ майор, и ждите в коридоре, вас вызовут.

Ждать пришлось долго. Коридор освещал мутный свет. Он сидел на лавочке, придвинутой к стене. Конечности затекли, в голове витали беспокойные мысли. Он уже жалел, что не покурил перед отбытием — никотиновый голод ощущался все сильнее. Майор поднялся, прошелся, чтобы размять ноги. Часовой в глубине прохода напрягся, пришлось вернуться. Очевидно, важная персона прибыла не только по его душу (кому интересен обычный контрразведчик?).

Наконец вышел подтянутый военный с погонами подполковника и вежливо уточнил:

— Романов Павел Сергеевич?

— Так точно... — Он поднялся, пальцы машинально прижались к строчкам на галифе.

— Прошу. Вас ждут.

Меньше всего это смахивало на арест. Оснований не было (хотя когда это останавливало следственные органы?). Майор был в курсе происходивших в стране событий, но никогда не задумывался об их причинах и был послушным винтиком в отлаженной машине.

Он вошел в кабинет. Подполковник поосторонился, закрыл дверь с обратной стороны. Кошки скребли на душе, чесалась лопатка. А до нее невозможно дотянуться ни с какой стороны.

— Проходите, майор, присаживайтесь, — прозвучал усталый голос.

Кабинет принадлежал человеку с положением. Мужчина сидел за широким столом и размашисто что-то писал в свете настольной лампы. Какое-то время спустя он вставил перьевую ручку в чернильницу и поднял голову.

В горле у майора пересохло. Он ненавидел подобное состояние, когда мечтаешь оказаться где-нибудь подальше: под минометным обстрелом, под кинжальным огнем обозленных диверсантов. Впрочем, рога у представителя власти отсутствовали. Он был того же возраста, что и Романов, может, немного постарше, темноволос, имел небольшие залысины на лбу. Темные глаза разглядывали визави из-под густых бровей. Мужчину звали Виктор Семенович Абакумов, и он являлся бывшим начальником Управления особых отделов, а с апреля текущего года — начальником Главного управления контрразведки СМЕРШ, входящего в структуру наркомата обороны. Товарищ Абакумов подчинялся лично товарищу Сталину и считался непреерекаемым авторитетом в узких кругах работников ведомства.

— Полагаю, вы меня узнали, майор? Представляться нет смысла?

— Никак нет, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга.

— Садитесь, майор, просил же...

Абакумов закрыл папку. Сверху положил другую, раскрыл ее. Стал читать, изредка поднимая глаза. Собственное личное дело Павел никогда не видел, так что выпала возможность полюбоваться. Он неподвижно сидел на стуле. Его удивление росло. В происходящем было что-то абсурдное — где он и где влиятельный глава всесильного ведомства!

— Чаю хотите? — спросил Абакумов.

— Спасибо, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, воздержусь...

Павел закашлялся. Абакумов пожал плечами.

— Дело хозяйское. На нет, как говорится, и суда нет...

Абакумов слегка улыбнулся. Этот человек тоже мало спал, вел беспокойный образ жизни, питался от случая к случаю. Вряд ли он прибыл в Ленинград только лишь затем, чтобы встретиться с майором.

— Постараюсь вас не задерживать, быстро введу в курс дела. Итак. Вы Романов Павел Сергеевич, тысяча девятьсот десятого года рождения, уроженец Ленинграда... Тогда еще, разумеется, Петербурга. В Гражданской войне по понятным причинам не участвовали. С тысяча девятьсот двадцать девятого по тысяча девятьсот тридцать второй годы проходили срочную службу в РККА, потом поступили в только открывшийся в Москве институт по подготовке дипломатических и консульских работников, —

Абакумов оторвал голову от текста и с любопытством воззрился на собеседника, — куда в те годы активно набирали выходцев из рабоче-крестьянской среды. Но вы ведь у нас из другой среды... — Абакумов замолчал, как бы предоставляя слово собеседнику.

— Да, это так, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга. — Майор снова закашлялся, затем продолжил уже твердым голосом: — Я был единственным ребенком в семье. Отец и мать много лет провели на дипломатической службе. Отец работал с товарищем Воровским. В двадцать третьем году, когда Воровского убили в Лозанне, отец находился рядом с ним, он входил в число делегатов Лозаннской конференции. Супруга Вацлава Вацлавича умерла от потрясения, моя мама до последнего находилась рядом с ней. Я еще был мал, понимал немного. Отец работал в дипмиссии в Германии — тогда еще в Веймарской республике. Мама трудилась секретарем в посольстве. Потом мы переехали в Прагу, затем в Лондон. Отец быстро продвигался по карьерной лестнице. В Лондоне я посещал советскую школу при посольстве. Когда мы вернулись в Союз, отец преподавал в институте и мама работала там же. Я поступил в институт под их давлением — не испытывал тяги к дипломатической службе. Проучился два года и... решил не продолжать. Но иностранные языки родители в меня вбили.

— Прошу прощения, какими языками вы владеете? — перебил майора Абакумов. — Здесь указаны немецкий, английский и французский.

— Так точно, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга. С детства обладаю способностями к языкам. Английским и немецким владею в совершенстве, французским хуже, но изъясняться могу... Отчислившись из института, я окончил офицерское училище. Потом работал в Особом отделе НКВД по Ленинградскому округу. Позже окончил школу особого назначения НКВД и получил звание капитана... Родители, к сожалению, погибли в тридцать шестом году — поехали в отпуск в крымскую Ливадию, взяли лодку, чтобы покататься, и далеко заплыли. Внезапно начался сильный шторм, лодку унесло в море... Потом ее нашли, перевернутую...

— Сочувствую, майор. Сергей Аркадьевич Романов — фигура известная в дипломатических кругах, преданно служил делу партии, был верным ленинцем. Но давайте про вас. С июня тысяча девятьсот сорок первого вы находились в действующей армии, служили в Особом отделе на Западном фронте, проявили себя с самой лучшей стороны. Когда в батальоне не осталось командиров, вы подняли людей и личным примером повели их на прорыв. Вы пробились через кольцо окружения и вывели сто человек. Впоследствии вас перевели на Ленинградский

фронт, вы получили звание майора и возглавили Особый отдел стрелкового полка. Затем вас направили в город и бросили на борьбу со шпионами и диверсантами. У вас хороший послужной список, вы успешно выполнили все задания... Вы женаты? — вдруг задал Абакумов неожиданный вопрос.

— Никак нет, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга. Так сложилось, что в данном направлении я успехов не добился.

— Ничего, за это не наказывают, — сухо рассмеялся Абакумов. — Семья — ячейка социалистического общества, но иногда ее лучше не иметь, чтобы потом не было мучительно больно... Как же так вышло, майор, с товарищем Нечаевым? — Абакумов иронично прищурился.

Холодок снова заструился по спине. Начальник Главного управления был дьявольски умен (иначе не сидел бы седьмой месяц в своем кресле), и невозможно было понять, что у него на уме. Абакумов вел себя подчеркнуто вежливо, интеллигентно.

С товарищем Нечаевым вчера произошел конфуз. Второй секретарь Василеостровского райкома партии, весьма шумный, бесцеремонный, в тяжелые блокадные зимы отсиживался в Костроме и появился в городе три месяца назад. С продуктами стало легче, интенсивность

обстрелов снизилась в разы, отпала необходимость бороться с холодом в связи с началом летнего сезона. Вышли на него чисто случайно. Оперативный отдел обрабатывал шпионско-диверсионную группу, заброшенную в Ленинград в начале сентября. Ухватились за ниточку, выявили одного из фигурантов. Личность зафиксировали — фигурант проживал в коммунальной квартире на Васильевском острове. Военный, прибыл в командировку. В соседнюю квартиру, в пустовавшую комнату, подселили Нину Ушакову — полезно иметь в группе женщину. Она выдала себя за вдову героически павшего командира зенитчиков и проследила за фигурантом. Каково же было изумление оперативников, когда они обнаружили в парке товарища Нечаева вместе с упомянутым фигурантом! Сидели на лавочке и делали вид, что незнакомы. Нечаев что-то передал сообщнику — видимо, записку с ценными сведениями. В момент задержания фигурант покончил с собой, а Нечаев орал как оглашенный. Грозился всех упечь, ссылался на связи и на свое положение в партии. Когда ему предъявили лист бумаги с мелким текстом, стал орать пуще прежнего, что его подставляют, обещал принять решительные меры. В какой-то момент даже закралась мысль, уж не ошибка ли? Но товарища Нечаева стали раскручивать, и вскрылось такое, что у всех зашевелились волосы на голове. Первый секретарь райкома, про-

смотревший под носом такую гадину, попытался застрелиться, но пистолет дал осечку.

— Уверены, что поймали, кого нужно? — спросил Абакумов. — Увы, должность партийного секретаря не является залогом непогрешимости. Подобные дела следует расследовать с особой тщательностью, чтобы не очернить партию.

— Ошибки нет, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга. Нечаев свою вину признал. Немцы завербовали его четыре месяца назад. Всплыла история с родственником — директором сельского клуба, перешедшим на сторону врага. Этот факт Нечаев тщательно скрывал. Задержание не афишировали, взяли его в безлюдном месте.

— Хорошо, не буду вмешиваться в ваше расследование. Судя по всему, вы свою задачу выполнили. Передавайте дело в Следственный отдел... Вы удивлены, что находитесь в этом кабинете? Спешу убедить, это не тот случай, когда гора идет к Магомету. Мы могли бы вызвать вас в Москву, но потеряли бы тогда время — мы же все равно приехали по делам в Ленинград. Помните заговор Буревича?

Переход к вопросу случился резкий. Внешне майору удалось сохранить спокойствие, но холодок продолжал осваивать позвоночник.

Тридцатые годы не забудешь. Тридцать седьмой выдался самым драматичным. В стране

объявили кампанию по разоблачению заговорщиков, вредителей и шпионов, которых вдруг стало неприлично много во всех государственных структурах, в том числе и в вооруженных силах. Троцкистские, антисоветские заговоры сыпались как из рога изобилия. Увольнения комначсостава в РККА производились по приказам НКО СССР и военных округов. В тридцать седьмом это право предоставили также военным советам округов и флотов. За увольнением следовало задержание. Аресты осуществляли сотрудники Особого отдела НКВД. Павла Романова миновала эта чаша, за что он был премного благодарен судьбе, но насмотрелся этого вдоволь. В Приволжском военном округе, где он проходил службу, представителей начсостава брали через одного. Одних арестовывали прямо на работе, за другими приезжали домой, используя специальный транспорт.

С приходом в комиссариат товарища Берии волна накрыла сотрудников НКВД. Январский пленум ЦК ВКП(б) тридцать восьмого года принял постановление об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б), а также о мерах по устранению этих недостатков. Многие командиры вернулись из тюрем, были восстановлены в партии и на службе. Но теперь трясли НКВД, госбезопасность. Антисоветские заговоры тоже

не отменили, но к их выявлению стали подходить строже и взвешеннее.

Командарм второго ранга Буревич был арестован в конце 1939 года, в разгар финской кампании. Вместе с ним попали под арест комкоры Котов и Пермяк. Павел частично участвовал в расследовании этих дел и в результате изучения материалов и знакомства с фигурантами пришел к удивительному выводу: заговор не был сфабрикован!

Подавляющее большинство дел высасывали из пальца, хватали невинных, обвиняли в членстве в мифических сообществах. Кому понадобилось такое количество врагов? Зачем понадобились массовые расстрелы и миллионы заключенных? Люди даже не знали, за что сидят! Но, видимо, так было надо. Значит, был некий сокровенный смысл. Партия так решила, а она никогда не ошибается.

С делом Буревича все было иначе. Заговор существовал, в нем участвовали представители командования не самого высшего звена, но и не командиры батальонов. Главной целью заговора было сместить, а лучше — уничтожить товарища Сталина, «виновного во всех бедах, произошедших со страной» (голод, нищета, диктатура и тому подобный вздор). Заговорщики контактировали с представителями рейха, в недрах германского генералитета зрел аналогичный заговор с целью смещения фюрера. Заговорщики

прекрасно спелись. Связи с Германией перед войной были устойчивыми, страны активно обменивались товарами, сотрудничали в военной области (одно производство германской авиатехники под Липецком чего стоило). Но спецслужбы тоже неплохо поработали — оба заговора были раскрыты, зачинщики схвачены и примерно наказаны.

— Вижу по вашей реакции, что вы в теме, — подметил Абакумов. — Вы принимали участие в расследовании. Разрабатывали, если не ошибаюсь, комбрига Мухина, который в Брест-Литовске связался с представителями германской разведки. Но сейчас мы говорим не об этом. В сороковом году вы отошли от дела, Буревича и компанию разрабатывали другие. Заговор охватил не только военные структуры, но и гражданские и НКВД. Главные заговорщики дали признательные показания и получили по заслугам. Но нити заразы расползлись по стране. Мы отрубили голову, но не уничтожили чудовище целиком. Заговорщики были разбиты на ячейки, члены одной группы не знали, кто состоит в другой. Полные списки организации отсутствовали — по крайней мере, мы их не нашли. Взяли четырех командармов, трех комкоров и шестерых комбригов. Выявили их помощников, подручных и соучастников. Угрозу устранили, подонки не успели нанести вред стране. Связи с немецкими генералами тоже отработали. Все,

что выяснили, передали германской стороне — увы, мы тогда дружили, — Абакумов смущенно кашлянул, — того требовала политическая конъюнктура... Центром подрывной деятельности на советской территории был город Липецк, в Германии — Дрезден.

«Глядишь — и войны бы не случилось», — подумал Павел и устыдился своей мысли. Но его лицо оставалось непроницаемым. Абакумов пытливо смотрел ему в глаза.

— Часть фигурантов осталась невыявленной. Это беспокоит товарища Сталина. Где они сейчас? Избежали наказания и радостно потирают руки? Или воюют на фронтах, рядясь под преданных нашему делу людей? Вы должны понимать, насколько это опасно. Кропотливая работа по установлению истины продолжается. Допрошены сотни людей, сделаны определенные выводы. Установлен человек, который, вероятно, владеет полными сведениями об участниках заговора. Его не взяли в первую волну, а когда установили причастность, было уже поздно. Его имя — Резник Андрей Борисович, сейчас ему сорок пять лет. Работал в ГПУ, потом в НКВД, имел отношение к внешней разведке, обладает правительственными наградами за успехи на службе. Когда узнали, что он участник заговора, крайне удивились. Но это проверенный, задокументированный, так сказать, факт. Когда по преступникам нанесли сокрушительный удар, Резник пропал.

Его искали, но тщетно. Арестовали его бывшую жену, с которой он развелся семь лет назад, протрясли всех его знакомых и друзей. Результат отсутствовал. Имелись сведения, что Резник бежал на Запад. Это сделать было крайне трудно, граница на замке, но, будучи сотрудником разведки, он обзавелся всеми нужными связями. Возможно, он укрылся в одном из посольств, откуда впоследствии был тайно вывезен, или самостоятельно перешел границу — мы не знаем. Следы фигуранта растворились в Европе. До недавнего времени даже не было информации, жив ли он. Но недавно следы Резника обнаружили в Королевстве Великобритании, в чем, кстати, нет ничего удивительного. И это неплохо, поскольку наша агентурная сеть там достаточно сильна. Сотрудничал ли этот ренегат с М15 или М16, неизвестно. Наверное, все-таки сотрудничал, раз оказался в Лондоне. А если учесть, что он находится там уже четыре года — он давно слил все, что знал. Остается утешаться тем, что это все же не немцы. Итак, наша первостепенная задача — схватить Резника и выбить из него сведения по заговору Буревича... Вы хотите что-то спросить, товарищ Романов?

— Мы всего лишь контрразведка, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга...

— Вопрос понятен. Да, существуют другие ведомства, занимающиеся подобными делами, —

ГРУ, внешняя разведка. Но товарищ Сталин убежден, что мы справимся лучше. Он доверяет нам и не хочет привлекать упомянутые структуры. Товарищ Сталин имеет свои резоны, в которые остальным лучше не соваться.

— Я понял, товарищ комиссар госуда...

— И как ни крути, майор, а заговорами в армии должна заниматься военная контрразведка, где бы ни находились враждебные элементы. Это не только наша почетная обязанность, это честь, оказанная лично товарищем Сталиным. Так, ладно...

Абакумов резко поднялся из-за стола. Павел тоже подскочил. Начальник СМЕРШа досадливо отмахнулся — «сидите». Заскрипели по паркету подошвы яловых сапог.

— Но в Лондоне все туманно, прошу прощения за каламбур. Посольская резидентура задержала двух человек, имеющих отношение к Резнику. Их засекли с фигурантом в районе Ист-Сайд (прошли годы, Резник изменил внешность, но его узнали). Резидентура проводила свою операцию, и то, что эти люди вошли в контакт с Резником, стало сюрпризом. Эти двое являются членами белоэмигрантской антисоветской организации, наши люди выявили их руководство. Связь беглого сотрудника НКВД с членами Белого движения — это несколько причудливо, но чего не бывает. Парочку взяли, а Резник ушел. Позже его опять засекли в Лондоне, но снова не

повезло. Это другое государство, скандалы нам не нужны. Тем более они наши союзники, обещают открыть второй фронт. Задержанных посадили в машину, доставили в посольство, держат в подвале. Их фамилии — Жулич и Глазнев. К сожалению, они граждане Великобритании, а скандалы нам, повторюсь, ни к чему. Все прошло тихо, свидетелей не было, кроме сбежавшего Резника. Никаких нот протеста не последовало. Резник предположительно скрывается в Лондоне, но мы допускаем, что после случившегося он сменил место жительства. Однако совсем королевство он не покинет, это не просто для человека, живущего на полулегальном положении. Но нужно спешить. Увы, прочесать весь Лондон мы не в состоянии... Сотрудники резидентуры провели предварительные допросы. Жулич и Глазнев возмущаются, кроют нас последними словами, но сильно напуганы. Уверяют, что никакого Резника не знают.

— Когда их взяли, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга?

— Двое суток назад. Пока все тихо. Родственники беспокоятся, оповестили полицию, но конкретно нашу страну пока не обвиняют. Думаю, это дело времени. Нам придется все отрицать. Повторяю, эти двое знают, как выйти на Резника. Повторного допроса не было. Из Москвы поступил приказ прекратить допросы и держать эту парочку в подвале, поить, кормить,

следить за их здоровьем и не пытаться. Товарищ Сталин не хочет, чтобы делом занималась посольская резидентура, состоящая из сотрудников ГРУ. Еще раз: он доверяет только нашему ведомству. Понимаете, к чему я клоню?

— Понимаю, товарищ комиссар...

— Не хочется повторять, насколько мы заинтересованы в этом Резнике. Иного способа выйти на заговорщиков нет. Их немного, но они способны причинить колоссальный вред. Это дело решено поручить вам, Павел Сергеевич. Причины, думаю, понятны. Вы человек, преданный до мозга костей нашему делу. У вас есть опыт, навыки, вы участвовали во многих операциях, и они заканчивались в нашу пользу. Вы хладнокровны, сдержанны. Вы удачливы, наконец. Вы вели это дело, понимаете, о чем речь. Владете языками «в ассортименте», так сказать, а это крайняя редкость среди наших сотрудников — немецкий они учили, а вот английский, а тем более — французский... Вы жили в посольстве, видели Лондон, представляете, как там все устроено. Пусть тогда вы были в юном возрасте, но все же. Вы учились на дипломата, пусть даже недолго, вы сын дипломатов. Достаточно вам этих аргументов?.. Итак, вы направитесь в лондонское посольство под видом дипломатического работника. Должность помощника атташе по вопросам поставок продовольствия вас устроит? Документы будут. До отправки несколько дней,

подтяните себя по дипломатическим штучкам, литературу вам выдадут. Британские коллеги понимают, что половина нашего посольства — разведчики под прикрытием, но все равно следует соблюдать приличия... как завещал товарищ Ворковский, а с ним — товарищ Литвинов. — Абакумов сухо рассмеялся. — Посольство расположено все там же: Кенсингтон-энд-Челси, «дом Харрингтона».

— Это с тридцатого года, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, — осмелился поправить Абакумова Павел. — В двадцать четвертом году посольство размещалось в Чешем-Хаус, в здании бывшего царского посольства. Потом мы разорвали отношения с королевством, восстановили их только в двадцать девятом, но в Чешем-Хаус не вернулись. Срок аренды истек в двадцать восьмом. Миллионер Льюис Ричардсон согласился сдать свой особняк под советское посольство, там оно и находится. Место называется Кенсингтонский дворец. С этим зданием я, увы, незнаком.

— Ничего, сориентируетесь. Вы в Лондоне не задержитесь. Возьмите с собой группу — человека три. Им не обязательно знать дипломатический протокол, сойдут за охранников. Документы им сделают. Список подайте немедленно. Я слышал, в вашей группе есть женщина?

— Так точно, Нина Ивановна Ушакова, опытный сотрудник.

— Отлично. Женщина в группе может сбить противника с толку. Фото Резника и материалы его биографии вам предоставят. Привлеките к работе сотрудников посольства, но постарайтесь не переусердствовать. Вы имеете карт-бланш, поскольку выполняете задание самого Верховного. Ваша задача — используя Жулича и Глазнева, провести мероприятия по задержанию Резника. В средствах не стесняйтесь. На крайний случай получите пару адресов наших агентов, внедренных в английское общество. Резника — изолировать в посольстве, провести допрос — сами разберетесь, какую тактику выбрать. Разрешаю использовать химию и всякие эффективные средства. Все полученные сведения конфиденциальны, их не раскрывать даже членам вашей группы. Каждые сутки — радировать в центр, позывные будете получать. Нужны фамилии, потянем одну — полезут другие. Проработать вопрос вывоза Резника в СССР — задача трудная, фактически невозможная, это мы понимаем. В случае невозможности ее реализации — Резника ликвидировать. Но только убедившись, что он сказал ВСЕ. Теперь к вопросу о вашей переправке. Не волнуйтесь, переходить десяток границ не придется. Послезавтра в Мурманск прибывает английский конвой с американской помощью для СССР. Слышали про ленд-лиз? Они высылают нам военную технику, продо-

вольствие, сырье, медоборудование, лекарства, даже нефть — все, что только можно. Грузы приходят из Штатов в английские порты, там перегружаются на британские суда и северным путем — через Северное море, мимо Норвегии плывут к нашему Кольскому полуострову. Иногда их везут дальше — в Архангельск. Наш конвой — крейсер «Вестминстер», пара судов поменьше и катера сопровождения. В советских водах конвой сопровождают противолодочные катера. Насколько это рискованно, вы знаете, до конечной точки не доходит каждый десятый конвой — мины, атаки подводных лодок, бомбежка с воздуха... Будем надеяться, пронесет. После разгрузки вы подниметесь на борт. Препятствий не возникнет, это обычная практика — англичане не будут возражать против того, чтобы подбросить до Лондона нескольких «дипломатических работников». Назад конвой пойдет порожним... или почти порожним. Каюты вам предоставят. Время в пути — шесть-семь суток. Поняли задачу, товарищ майор?

— Так точно. Сделаю все, что в моих силах.

— Вот и славно. Поезжайте в Лондон, развейтесь, — Абакумов криво усмехнулся. — Выполните задание — родина будет в неоплатном долгу. А на фронте обойдутся без вас. Войны на ваш век хватит... Не буду вас больше задерживать, товарищ майор. Подробные инструкции получите утром.

Глава 2

Пассажирский самолет «К-5» три часа болтался в воздухе. Провели дозаправку на какой-то карельской базе. Покрикивал офицер, суетились люди в черных комбинезонах — самолет приказали заправить вне очереди. Пассажиры на улицу не выходили — дул пронизывающий ветер. Наконец самолет разбежался по грунтовой полосе, взмыл в воздух и скрылся в серых облаках. Внизу остался морозящий дождь да невзрачные постройки.

«К-5» шел с крейсерской скоростью 170 километров в час, держась на высоте трех километров. Машина имела комбинированный деревянно-металлический корпус и один двигатель — на большие высоты не претендовали в связи с отсутствием гермокабины и кислородного оборудования. Фюзеляж состоял из трех отсеков: кабины для двух пилотов, пассажирского салона на восемь персон, а в хвосте располагался туалет, не отличавшийся удобством, но радовавший своим наличием. Эти гражданские самолеты производили с 30-го года, выпустили больше двух тысяч. В армии их тоже применяли — перевозили грузы и пассажиров.

Двигатель размеренно гудел, скрипела обшивка. Из кабины пилотов не доносилось ни звука, иногда казалось, что они уже спрыгнули с парашютами.

В салоне из всех удобств — лишь две продольные лавки. Голова норовила удариться об острый выступ, приходилось постоянно ерзать и держаться за кронштейн. Смотреть в иллюминатор было бессмысленно — самолет не выходил из зоны облачности. Настроение не улучшалось. Мысль об оказанном доверии почти не грела. Романов все прекрасно понимал и роль в деле товарища Сталина переоценивать не собирался. Верховный тот же человек, он может ошибаться, испытывать страх.

«Стандартные» заговоры тридцать седьмого — тридцать восьмого годов — явление обыденное, их участники фактически не несли угрозы вождю нации. С подпольной же организацией покойного Буревича дела обстояли иначе. Это был реальный заговор, и его участники хотели устранить вождя. Многие остались живы и при должностях, до них не дотянулся карающий меч правосудия. Заговорщиком мог оказаться кто угодно из приближенных Иосифа Виссарионовича. Понятно, что этот вопрос не мог не беспокоить товарища Сталина. Майор контрразведки попал меж двух огней. Не выполнит задание — последуют меры. Выполнит — слава и почет, но никто об этом не узнает... Лучше не задумываться о последствиях. Слишком горячие сведения, чтобы оставлять человека в живых.

Он гнал от себя неудобные мысли и прислушивался к неровной работе двигателя. Может

быть, не все так плохо? Но если он прав, то не поздоровится и сопровождающим его лицам.

Павел открыл глаза и хмуро воззрел на сидящего напротив Гришу Заречного. Старший лейтенант умудрялся спать и при этом держаться за оба кронштейна. Он сладко причмокивал, выпятив губу. В этом парне, родившемся в Саранске, имелась некоторая наивность, но он обладал потрясающей работоспособностью, лучился идеями и не боялся лезть в пекло. Гриша почувствовал пристальный взгляд, приоткрыл один глаз, обозрел пространство, но командир уже не смотрел в его сторону.

Рядом с Павлом пристроился капитан Вадим Молчанов — мрачноватый, предпочитающий молчать. Он скрестил на груди руки, удерживал равновесие при помощи расставленных ног. Глаза капитана были открыты, но мыслями он отсутствовал.

Впервые Павел видел своих людей в гражданской одежде. В этом было что-то неправильное. Впрочем, к Нине Ушаковой, сидящей справа от Григория, претензий не имелось, она смотрелась идеально в симпатичном клетчатом пальто и волнистом берете, спадающем набок. Пепельные волосы прятались под головным убором. Кожаная дамская сумочка на коленях смотрелась куда лучше автомата «ППШ». Печальные глаза смотрели в пол. Она что-то почувствовала, отыскала взглядом командира и не смутилась,